

УДК 82-14

ТРАДИЦИИ ФЕТА В «УСАДЕБНОЙ» ЛИРИКЕ БАЛЬМОНТА

Жаворонкова Т.Ф.

АНОО ВО «Одинцовский гуманитарный университет», Одинцово, e-mail: tfjavoronkova@yandex.ru

В настоящей статье рассматриваются стихотворения Бальмонта, передающие характерные особенности усадебного пространства и времени. В исследовании делается попытка доказать: творчество Бальмонта впитало и унаследовало литературные традиции предшественника А.А. Фета. Несмотря на наличие фундаментальных трудов по творчеству К.Д. Бальмонта, «усадебные» стихи поэта можно по праву отнести к числу мало изученных. Среди поэтических текстов, на которые опирался Бальмонт в создании «усадебных» стихов, «усадебная лирика» Фета. Сопоставляя тексты К.Д. Бальмонта и А.А. Фета, автор выявляет элементы, объединяющие лирику поэтов общей темой, устойчивой поэтической образностью (усадебный дом, сад, цветы, аллеи, садовые дорожки, беседка и т.д.). На основании результатов исследования делается заключение: различные этапы детства, юности, зрелости лирического героя соотношены поэтами с очевидной сменой укладов русской жизни.

Ключевые слова: усадебная лирика, гармония, красота, символизм, сад, литературная традиция, одухотворённость, усадебный дом, импрессионизм

FET 'S TRADITIONS IN THE «MANOR» LYRICS OF BALMONT

Javoronkova T.F.

АНЕО НЕ «Odintsovo University of the Humanities», Odintsovo, e-mail: tfjavoronkova@yandex.ru

This article is considering Balmont's poems, expressing characteristic features of the manor's space and time. This research is considered to make an attempt that Balmont's creativity imbibed and inherited the wide range of literature traditions of his predecessor A.A. Fet. In spite of the presence of basic works on Balmont's creativity, «manor» poems can be rightly attributed to the number of insufficiently studied. Among the poetic texts which Balmont used when he wrote «manor» poems was the «manor» lyrics of Fet. Comparing K.D. Balmont's and A.A. Fet's texts the author identified elements that united the lyrics of poets stable poetic figurativeness (the manor house, the garden, the flowers, the alleys, the garden roads, the gazebo and etc.). On the basis of the research results we can make a conclusion: different stages of the childhood, youth and adulthood of the lyrics character are related by the poets with the obvious changes of social formations in Russian life.

Keywords: «manor» lyrics, harmony, beauty, symbolism, garden, literature tradition, spirituality, manor house, impressiosm

Русский модернизм, в первую очередь символизм, в своём развитии и становлении опирался на традиции русской классики предшествующих эпох, о чём в своё время весьма верно выразился А. Белый: «Новизна современного искусства лишь в подавляющем количестве всего прошлого, разом всплывающего перед нами...» [4, 143].

Символист Бальмонт стоял у истоков Серебряного века. С его творчеством современники справедливо связывали своеобразный «культурный взрыв» в русской поэзии. Его творчество впитало и объединило многообразные традиции отечественной и мировой литературы, о чём достаточно глубоко и обширно повествуют материалы литературоведов, критиков, диссертационных исследований. Однако «усадебная лирика» – феномен, уникальный материал, осмысление процессов и явлений окружающей действительности – находится в области «молчания» исследований творчества Бальмонта, унаследовавшего художественные открытия Фета, которые обрели значение определённой литературной традиции, которая нашла своё отражение в творче-

стве поэтов Серебряного века и особенно в лирике символиста Бальмонта. Почему в большей мере именно в лирике Бальмонта? «Люблю больше всех Фета», – писал Бальмонт в статье «О поэзии Фета». Но главным образом Фет был интересен ему как великий художник. Бальмонт открыто признаётся в том, насколько авторитетным был для него Фет, называет его «истинным учителем в поэзии», подчёркивает: «Фет – мой крёстный отец в поэзии» и особо выделяет: «моими лучшими учителями в поэзии были – усадьба, сад, лес, ручьи, болотные озёрки, шелест листвы, бабочки, птицы и зори». То есть те объекты, которые в своё время вдохновляли Фета на лучшие стихи, то, что нашло яркое отражение в «усадебной лирике» А.А. Фета – вершине «усадебной поэзии» – главный признак которой – «заразительность» (Л. Толстой). В стихотворении «Фет» Бальмонт не только воссоздаёт творческую манеру любимого поэта, но и отмечает традиционные фетовские образы: «Никто так не воспринял красоту/Усадьбы старой, сада и балкона, / Вершин древесных вкрадчивого звона,/Явленье

звёзд в горенье на лету». Та фетовская нежность, которая тесно связана с ощущением домашнего уюта, тепла и любви, красотой усадьбы, дома, где родился и вырос, являющаяся доминантой «усадебной лирики» Фета, нашла своё отражение в поэтическом творчестве Бальмонта, – о чём он, самый знаменитый поэт-символист России начала века, откровенно и ясно повествует в очерке «Воробьёныш»: «Моя первая любовь – деревня, усадьба, где я родился и вырос. Моя первая любовь – насыщенное Солнцем весеннее утро, и я сам, лет четырех, сидящий на родном балконе и любующийся душистыми большими кустами лиловой и белой сирени, вокруг которых вьются безмолвные бабочки, желтые, белые и красноватые, и реют и мелькают с непрерывным звоном пчелы, такие мохнатые и добрые». И с каким-то утончённым, женственным умилением передаёт Бальмонт свои детские впечатления: «Мои первые шаги, вы были шагами по садовым дорожкам среди бесчисленных цветущих трав, кустов и деревьев. <...> Мои первые шаги в мире поэтическом <...> были шагами среди цветов и песнопений, в отъединении ненарушимом. Я начал писать стихи в возрасте десяти лет. В яркий солнечный день. <...> Это было в родной моей усадьбе Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии, в лесном уголке, который до последних дней жизни буду вспоминать, как райское, ничем не нарушенное радование жизнью. Она (мать) ввела меня в мир музыки, словесности, истории, языкознания. Она первая научила меня постигать красоту женской души, а этой красотой, полагаю, насыщено всё мое литературное творчество. <...> Не сделавшись сам охотником <...> с ним (отцом) в самом начальном детстве, я глубоко проник в красоту лесов, полей, болот и лесных рек, которых так много в моих родных местах» [3].

Приведение столь длинной цитаты можно оправдать лишь тем, что она даёт возможность глубоко понять, насколько для Бальмонта был актуален поэтический дар Фета, автора «усадебных стихов»: Бальмонт, подобно Фету, впитал усадебную культуру с детства и всё то, что способствовало рождению великого поэта. Само описание Бальмонтом усадьбы являет собой сущность «усадебного» хронотопа, с характерным для этого места времяпрепровождением в состоянии счастливой безмятежности. Уже здесь присутствуют признаки будущего «усадебного» текста: «Я с детства слушал шорох леса. // Мой первый миг – лесной цветок» (Бальмонт. «Лесной цветок», 1914 г.). И «первая любовь» как «насыщенное Солнцем весеннее утро», и опыт детства, впитавшего дух благоуханных дворянских «вишнёвых» садов и провинциаль-

ных усадебных аллей, многократно будут воспеты Бальмонтом в «усадебной лирике» и по-фетовски наделены проникновенным мягким лиризмом, подобным тому, который так ясно ощутим в стихотворении Бальмонта «Прости»: «Я с детства был всегда среди цветов душистых, / Впервые вышел я на утренний балкон // Была акация в расцветах золотистых, / От пчёл и от шмелей стоял весёлый звон // Сирень лазурная светила мне направо, // Сирени белой мне сиял налево куст. // Как хороши цветы!».

В начале XX века в научный обиход были введены многочисленные труды, освещающие проблему рецепции Фета в лирике поэтов-символистов, в том числе и Бальмонта¹. Однако за пределами фундаментальных исследований осталась проблема влияния Фета на «усадебную лирику» Бальмонта. «Влияние Фета на меня и на дальнейшую русскую поэзию? Я не очень ценю этот историко-литературный термин, когда речь идет об истинном художнике, владеющем собственными достоинствами. Державин и Жуковский не влияли на Пушкина, <...> а пробудили в Пушкине Пушкина», – это высказывание самого Бальмонта, и здесь вполне возможно его перефразировать: «Фет пробудил в Бальмонте Бальмонта».

Таким образом, мы пришли к выводу о необходимости исследования поставленной проблемы². Литература всегда впереди общества и её ценностный приоритет – воспитательный, что органически присуще цели нашего исследования: обратить внимание на интересность «усадебной» поэзии Бальмонта («усадебная поэзия» – это не только замечательные стихи, но и нити, к истокам нашей истории, культуры, духовности), из чего возникает задача – рассмотреть феномен «усадебной лирики» в органической взаимосвязи с традициями предшественников, в частности с художественными исканиями Фета. В центре научного внимания «усадебная лирика» Бальмонта в свете следования традициям Фета, выявление межтекстуальных связей лирики Фета и Бальмонта на разных уровнях поэтического текста.

¹ Флоренский (статья о книге стихов А. Белого «Золото в лазури», 1904 г.). А. Белый отметил значительное влияние Фета на поэзию символизма (рецензия на книгу стихов Блока «Нечаянная радость», 1907 г.). П.А. Эллис в работе «Русские символисты» (1910 г.) сопоставляет «Ласточки» Фета и «Ласточки» Бальмонта. Б.М. Эйхенбаум отмечает поэзию Фета как образец для Бальмонта. И.С. Жемчужный и Е.Д. Маркина в статьях утверждают влияние Фета на лирику Бальмонта. Следует назвать Д.Е. Максимова, К.В. Мочульского, Д.Д. Благого, Л.А. Озерова, В.Н. Орлова как авторов фундаментальных трудов. В работах Е.В. Ермиловой, Л.А. Колобаевой Ф.Ф. Фет назван предшественником русского символизма.

² Теоретическая и методологическая база исследуемой в статье проблемы основывается на работах Ю. Лотмана, М. Бахтина, В. Щукина, Д. Лихачёва, В. Жирмунского, В. Баевского, Б. Соловьёва и др.

Усвоив открытия предшествующих литературных традиций, пленённый поэтическим опытом Фета, Бальмонт выработал уникальную синтетическую эстетику, в основании которой, как и в основании всякого подлинного искусства, лежит момент безотчётного, интуитивного творчества. Восприятие природы как «живой слитности» генетически восходит к первым впечатлениям деревенского, усадебного детства поэта. Подтверждение своим интуициям Бальмонт находил в «усадебной поэзии» Фета. В системе их эстетических и этических ценностей «цельность» – идеал, заданный человеку природой. Переключки Бальмонта со старшим поэтом Фетом осязательны и там, где речь идёт о способности уловить и запечатлеть настроения природы, красоту усадебного пейзажа, и там, где уместен ответ на вопрос о том, что сближает поэтов разных эпох. Это система устойчивых мировоззренческих установок, воплощение в усадьбе связи поколений, совокупность лирических стихотворений с «устойчивой поэтической образностью» (усадебный дом, сад, аллеи, беседка и т.д.). Роднит интересных поэтов Золотого и Серебряного веков русской поэзии тончайшее чутьё к Красоте. Всё творчество Бальмонта и по-фетовски, и по-бальмонтски, благодаря художественным новациям, озарено Красотой. Для Фета главное в поэзии – живое чувство Красоты. Красоты природы. Женской Красоты. Красоты как единственной цели искусства вообще, духовной и душевной Красоты человека. Красота есть эстетическое наслаждение (Фет. «Цветы», 1858 г.). У символистов искание Красоты – инструмент самопознания. Бальмонту Красота видится и целью, и смыслом, и пафосом его жизни. Красота, царящая всюду. Даже «иступлённая любовь» Бальмонта к поэзии вылилась в Красоту, красоту его стиха. Красота и мечта – основа для Бальмонта. Поэта-импрессиониста привлекает не столько самый предмет изображения, сколько его, поэта, ощущение данного предмета: «Красуются колосья наливные, / Взамен цветов везде плоды земные. // Отраден вид тяжёлого снопа, / А в небе журавлей летит толпа // И криком шлет «прости» в места родные» (Бальмонт. «Август», 1894 г.). По словам самого Бальмонта, «достаточно мгновенного толчка сознания, вызванного мимолётным впечатлением – и непосредственно стихийно рождается образ» [1, 45].

Особенно сильное влияние на Бальмонта оказала та струя «усадебных» стихотворений Фета, которая сделала его предшественником импрессионизма в русской поэзии. Фетовскую «поэтику впечатлений» – впечатления от природы во всей полноте ощущений (зрительных, слуховых, обонятельных) – Бальмонт превратил в самостоятельный стиль лирического импрес-

сионизма. Неуловимые движения души, переполненные счастливым усадебным детством, радужными воспоминаниями о нём, попытка передать словами тончайшие ощущения, чувства и даже предчувствия – эта импрессионистическая фетовская линия во всей полноте выражена в стихотворении Бальмонта «Родное»: «Аллеи рек. Зеркальности озёр. / Хрустальный ключ. Безгласные затоны. // Живая сказка, страшный тёмный бор. / Его вершин немолкнущие звоны». // Воздушность ив. Цветы родных полей. // Апрельский сон с его улыбкой мая. // Я целый мир прошёл в мельканьи дней, / Но лучше вас я ничего не знаю».

Унаследованное от Фета чувство Красоты и Гармонии мира, Красоты как высшего совершенства породило в бальмонтской поэзии особого рода эстетизм. Там же истоки импрессионизма, доведенные Бальмонтом до характерных свойств стиля, обогащённые стремлением преодолеть обычную логику логикой символистской.

Традиционно основными зонами усадебного пространства принято считать сад и парк. Образ сада в «усадебной лирике» – одна из ярких мифологем. Сад в лирике Фета выступает в качестве места свиданий, сакрального места (Фет. «Вечерний сад», 1842 г.), места воспоминаний (Фет. «Сияла ночь. Луной был полон сад», 1877 г.), служит фоном для передачи душевного состояния (Фет. «Люди спят; мой друг, пойдём в тенистый сад», 1853 г.). Во многих усадебных стихах мифологическое время созвучно биографическому, характеризующему этапы детства, юности, зрелости лирического героя, а также – времени историческому, отражающему смену укладов жизни. И эта линия нашла продолжение в «усадебной лирике» Бальмонта. Сад в понимании Бальмонта – это тоже сад детства, давший уют, гармонию, красоту, ни с чем не сравнимое счастье: «счастлив тот, кто в детстве видел сад» (Бальмонт. «Сад»). Сад – это «целый мир»: сад как гармония природы, олицетворение свободы, цепь воспоминаний, олицетворение души (Бальмонт. «Хоровод», «Светлая ночь», «Бабочка», «Мать», «Москва», «Часы», «В моём саду»). Образ усадебного сада в творчестве Бальмонта, как и в лирике его предшественника Фета, является отражением не только усадебного пространства, но символическим переосмыслением исторической судьбы России. Важную роль в пространстве сада играет пространство аллеи как место перехода из одного состояния в другое, как непременная составляющая парка: аллея парадная, главная, центральная; липовая аллея, светлая песчаная, дерновая аллея, представляющая собой и тропинку, и продолжение растительной части сада. В «усадебной поэзии»

местом действия часто избирается аллея или сад, но воссоздают усадебную атмосферу и «естественные» ландшафты: лес, поле, овраг и водоем, а также деревня, поэтому лирический герой Бальмонта замечает и «прохладную глушь деревенского сада», и громаду «застывшего бора», и «луга», и «склон косогора», и как «над зябкой рекою дымится прохлада» (Бальмонт. «Безглагольность», 1900 г.).

Любовные свидания, горячие признания в любви – обязательный атрибут «усадебного» текста. Стихи о любви Бальмонта вполне соотносимы с его же словами: «Мера поэта – безмерность. Его мысль – безумие». Его героиней непременно является «способная сильно и самоотверженно любить девушка» (В. Щукин). Бальмонт сознательно, пофетовски (Фет. «Какое счастье: и ночь и мы одни!», 1854 г.) окрашивает загадочный образ возлюбленной лирико-романтической тональностью: «Я хотел бы тебя заласкать вдохновеньем, / Чтоб мои над тобой трепетали мечты, / Как стремится ручей мелодическим пением / Заласкать наклонившихся лилий цветы» (Бальмонт. «Опять», 1899 г.). Традиционна также ситуация юношеской любви, жажда свидания, когда сам идиллически-элегический тон стихотворения Бальмонта переходит в мелодрамагизм: «Люблю тебя капризною мечтой, / Люблю тебя всей силою души, / Люблю тебя всей кровью молодой!». Переключаясь с Фетом здесь вполне ощутима: «Чище, сильней и живей мы не умеем любить!» (Фет. «Не отходи от меня», 1842 г.).

Красоту и гармонию природы, усадебного существования у Бальмонта, как и у Фета, призвана оттенить музыка. Стихотворение Бальмонта «Шорохи» (1910 г.) – это яркий образец звуковой картины загадочной жизни ночной природы. Необыкновенная музыкальность, наполняющая стихи самого «певучего» поэта эпохи, способствовала тому, что Танеев и Рахманинов, Прокофьев и Стравинский, Глиэр и Мясковский создали романсы на слова Бальмонта. «Поющий» мир в «усадебных» стихах Бальмонта предстает перед читателем как обозначение сущностного свойства предметов, являющееся метафорой гармонии либо созвучности души поэта с миром природы. Как символ Красоты мира, глубокой тайны рождения музыки в душе и любви «в сердцах» предстает перед читателем «золотая рыбка». В стихотворении налицо все составляющие «усадебного» текста: и «лёгкие качели», и «сад», где «в сладостном бреду пела, пела скрипка», и в том саду «пруд» (Бальмонт. «Золотая рыбка», 1903 г.). Вечной Красотой рождены воспеты Бальмонтом и «аккорд певучий», и «созвучия». Бальмонт обладал особым «музыкальным» мировидением. В его «усадебных» стихах «поёт» всё: природные стихии, растения, насекомые, неодушевленные предметы: «Люби!» – поют

шуршащие берёзы, / Когда на них серёжки расцвели. // «Люби!» – поёт сирень в цветной пыли. / «Люби! Люби!» – поют, пылая, розы (Бальмонт. «Люби», 1917 г.). Импрессионистическое стихотворение Бальмонта «Песня без слов» (1894 г.) сюжетно восходит к фетовскому «Шёпот, робкое дыханье», 1850 г. (в их основе – любовное свидание), но по музыкальности поэтического языка, мелодическому звучанию оно превосходит предшественника: «Ландыши, лютики. Ласки любовные. // Ласточки лепет. Лобзанье лучей, // Лес зеленоющий, // Светлый свободно журчащий ручей».

Усадьба для Фета, традиционно для Бальмонта – это не просто местоположение, главное – это родной дом, где царит нежность, уют, тепло, счастье и любовь, покой и тишина. (Фет: «Свершилось! Дом укрыл меня от непогод...» Послание «Тургеневу», 1864 г.). Для Бальмонта «отчий дом» – «несравненный», «родной» (Бальмонт. «Просветы», 1922 г.). Это не только мир, увиденный из окна усадебного дома, это центр мироздания, точка зрения, взгляд на мир. «Деревня родная», «ветка сирени», «соловей голосистый» ассоциируется в грёзах Бальмонта с «бездонным», «безбрежным» раем, что «в детстве с мечтой обвенчал» (Бальмонт. «Возвращение», 1902 г.; «Берёза», 1905 г.).

«Родимый дом! Тоска острее стали...», – из самого сердца вырываются слова лирического героя стихотворения Бальмонта «Русский язык». Сознание поэта характеризуется внутренней двойственностью. С одной стороны, оно идиллично («В саду осеннем красный грозд рябины, // Соха и серп с звенящею косою»; «Летит рысак конём крылатой сказки»), с другой («Тоска острее стали»), – элегично: ощущается отчуждённость, отрешённость от «мировой гармонии», за которой скрывается утраченный патриархальный лад. И здесь элегическую тональность бальмонтовского повествования определяют фетовское «отсутствие чувства физического времени», осознание ценности мига.

Поэтика воспоминаний, ретроспективность повествования, противопоставление идиллии родного дома и реальности способствуют сакрализации усадебного времени: «Вся моя радость – к обветренным склонам / Горько прильнуть, вспоминая и чая. / Если б проснуться в лесу мне зеленом, / Там, где кукует кукушка родная! (Бальмонт. «Дюнные сосны», 1926 г.). Подобно Фету (Фет. «И.С. Тургеневу»), Бальмонт перечисляет все преимущества усадебного бытия, проводя через ряд стихотворений противопоставление России (усадебной, помещичье-сельской) и Европы. Олицетворение России у Бальмонта, как и у Фета, – берёза.

В стихотворении Бальмонта «Ночной дождь» лирическому герою парижский дождь не только напомнил детство, но и растопил,

развевал тяжёлое душевное состояние. Лирическое «я», слившись с авторским «я» изначально тоскующего поэта-эмигранта, звучит по-иному: «Я вспоминал. Младенческие годы. // Деревья, где родился я и рос. // Мой старый сад. Речонки малой воды, / В огнях цветов береговой откос».

Мотив воспоминания (один из ключевых жанровых признаков усадебной элегии), в значительной степени определивший характер поэтической традиции Фета, ставший самостоятельной темой, достаточно частотен в лирике Бальмонта. Развитие этой концепции весьма ощутимо в следующих стихотворениях Бальмонта: «Не буди воспоминаний, Не волнуй меня...», «Полоса света», «Резигация», «Лесной пожар», «Воспоминание» и др.

В стихотворении Бальмонта «Маргаритки» (1894) с целью создания атмосферы медитации и самоанализа автор погружает эгического героя в сладостные воспоминания о былом: «Я вспоминал, как в дни моей весны / Я пил Мечты божественный напиток». Мотив получает традиционную интерпретацию: противопоставление «тогда и теперь». Два временных плана (композиционная особенность элегии): утраченное прошлое («Тогда любил я чистую мечту...») и настоящее («Я посвятил *теперь* свой стих больной...») совмещены, между ними – непреодолимая граница («Промчались годы...»). И если в этом стихотворении образ маргариток символизирует «земную красоту», лирический герой при воспоминании «любит и прокликает» её, то в более позднем (Бальмонт. «Я когда-то был сыном Земли...», 1898 г.) – он отказывается от земной Красоты ради «бесконечности немых голосов», в результате чего воспоминание о Красоте предстаёт уже не идейно-эстетической ценностью, а пребыванием «в цепях заблуждений людских».

Как напоминание о прошлом в стихотворении Бальмонта «Картинка» присутствует образ «толпы воспоминаний», который символизирует творческую фантазию, мечты.

Образы весёлых ласточек (Бальмонт «Ласточки») выражают оценку приятия: в воспоминаниях видеть и ощущать радость. (У Фета несколько одноимённых стихотворений). Сложный комплекс противоречивых эмоций выражен в стихотворении Бальмонта «Лесной пожар» (1904 г.): «Зачем так памятно, немую пеленою, / Виденья юности, вы встали предо мною? / Уйдите. Мне нельзя вернуться к чистоте, / И я уже не тот, и вы уже не те. // Вы только призраки, вы горькие упрёки <...> // Всё помню... Старый сад... Цветы... Чуть дышат ветки <...> Слова, поющие в душе лишь в те года». В стихотворении предпочтение отдаётся неотъемлемой составляющей усадьбы – саду. Основные образы этих стихотворений восходят к поэтической традиции Фета.

Оригинально стихотворение Бальмонта «В столице». Воспоминания лирического героя искренни, поэтическая топика насыщена непосредственными переживаниями: «Свежий запах душистого сена мне напомнил далёкие дни, / Невозвратного светлого детства предо мной загорелись огни». Центральным является образ запущенного сада, олицетворяющего (традиционно) упадок дворянской усадебной культуры. Отсюда трагический мотив – характерная особенность многих «усадебных» стихотворений Бальмонта, как и позднего Фета.

В «усадебной лирике» Бальмонта отдельные садово-парковые реалии наполняются не только глубоко личными ассоциациями («стыдливые свиданья», «огонь любви»), теми жизненными ценностями, которые определяют смысл бытия владельцев усадеб, но и историческими (отрыв от родного дома, утрата корней). Бальмонт, как и Фет, дописывает судьбы усадеб разного типа: и как прелестного уголка, и как хранилища памяти о прошлом, подвергающемся забвению.

Список литературы

1. Бальмонт К.Д. Очерки. Воробьёныш. http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d/ Бальмонт К.Д. Солнечная пряха: Стихи, очерки / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Банникова.
2. Бальмон К.Д. Стихотворения. – Л., 1969. – С. 45.
3. Бальмонт К.Д. Очерки.. http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d/ Бальмонт К.Д. Солнечная пряха: Стихи, очерки / Сост., предисл. и примеч. Н.В. Банникова (Вечерние огни 1934, июнь. Впервые опубликовано: «Последние новости» 1934 июнь dugward.ru).
4. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 143.
5. Константин Бальмонт. На заре http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d/ Бальмонт К.Д. Стозвучные песни: Сочинения (избранные стихи и проза). – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990.

References

1. Balmont K.D. Oчерki. Vorobjonysh. http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d/ Balmont K.D. Solnechnaja prjazha: Stihy, oчерki/ Sost., predisl. i primech. N.V. Bannikova.
2. Balmon K.D. Stihotvorenija. L., 1969. pp. 45.
3. Balmont K.D. Oчерki.. http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d/ Balmont K.D. Solnechnaja prjazha: Stihy, oчерki/ Sost., predisl. i primech. N.V. Bannikova (Veчерnie ogni 1934, ijun. Vpervye opublikovano: «Poslednie novosti» 1934 ijun dugward.ru).
4. Belyj A. Kритika. Jestetika. Teorija simvolizma: V 2 t. M., 1994. T. 1. pp. 143.
5. Konstantin Balmont. Na zare http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d/ Balmont K.D. Stozvuchnye pesni: Sochinenija (izbrannye stihy i proza). Jaroslavl: Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1990.

Рецензенты:

Дюжикова Е.А., д.фил.н., профессор кафедры английской филологии, АНОО ВО «Одинцовский гуманитарный университет», г. Одинцово;

Неженец Н.И., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой литературы, Московский государственный институт культуры Министерства культуры РФ, г. Химки.

Работа поступила в редакцию 18.03.2015.